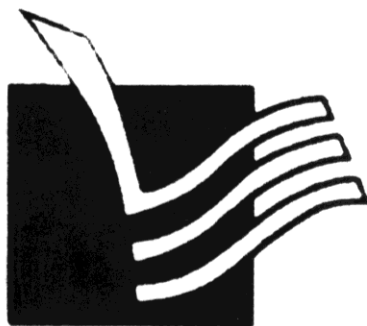

**INTERNATIONAL P•E•N
P•E•N CLUB INTERNATIONAL
67th WORLD CONGRESS
67ème CONGRÈS MONDIAL**

**«FREEDOM OF CRITICISM.
CRITICISM OF FREEDOM...»**

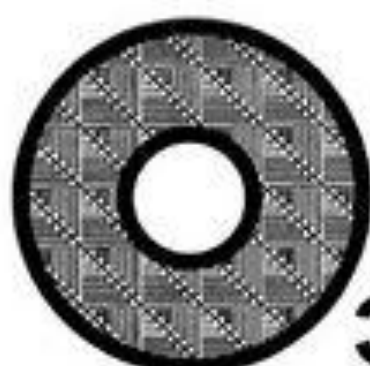
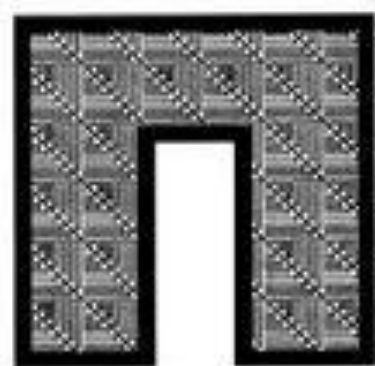
**«LA LIBERTÉ DE LA CRITIQUE.
LA CRITIQUE DE LA LIBERTÉ...»**

**R U S S I A N
PEN
C E N T R E**

**Moscow 2000, 22-28 May
Moscou 2000, 22-28 Mai**

ЖУРНАЛ

№ 1(13)

2000

ЭТОВ

И ДЛЯ ПОЭТОВ

БУКЛЕТ
ТАК ЖЕ

КОНСТАНТИН КЕДРОВ
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ
ГЮНТЕР ГРАСС
НГУЕН ХОАНГ БАО ВЬЕТ
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА
ОМЕРО АРИЦХИС
АЛЕКСАНДР ТКАЧЕНКО
АНА БЛАНДИНА
ЖАК ДАРРАС
ДЖОРДЖЕ НИКОЛИНИ
ТУА ФОРСТРЕМ
АЛЕКСАНДР КУШНЕР
РОБЕРТ БЛАЙ
МАТИЯ БИЧКОВИЧ
АЛИНА ВИТУХНОВСКАЯ
ГРИГОРИЙ ПАСЬКО
ЕЖИ ЧЕХ
ЕЛЕНА КАЩОБА
ГЕННАДИЙ АЙН

Когда
увидел Гулливер
как мала вселенная
в которой он живет
он сначала ужаснулся
и лишь потом понял
как это удобно -
все намного меньше чем ты
Он простер руку
и она оказалась дальше
самых отдаленных небес
Он взглянул
и взгляд
преодолев безмерную пустоту
вернулся к себе
Он хотел обнять женщину
но она затерялась в нем
и навсегда исчезла

Что еще оставалось
бедному Гулливеру
Он хотел приспособиться
к лилипутам –
шагал в полшага
шептал в полголоса –
только мысли и чувства
были ему не подвластны
думал только обо всем
чувствовал только все
а все говорили –
он думает только о себе
он любит только себя
ведь никто не видел того
что увидел он
и никто не чувствовал того
что он чувствует

Его слова казались безумными и бессвязными
А из всего что он говорил
Они запомнили только одно:
«Вселенная меньше тела» -
и весело потешались
над безумным великаном
Великаны всегда безумны
Полифем в пещере
Самсон в храме

«Лучше не двигаться», -
шептал Гулливер
Не двигаться не дышать не думать
Он пытался не думать
и не говорить
и его прозвали неподвижником
приводя в пример подвиги
многих и многих
Вот Иосиф Бродский
сколько всего напечатал и написал
сначала напечатал -
потом написал
А Пушкин?
Пушкин наше всё
А всё?
Всё наше - Пушкин
К счастью Гулливер
почти ничего не слышал
до него долетали только обрывки фраз:

... не умеет в рифму...
... без рифмы каждый...
... а сонет нет...
... нет не сонет...
... а Баратынский а Батюшков...

а Ба...
АББА
БА БА

Гупливер не умел отвечать
не умел молчать
и однажды замолк навсегда
осталось только дыхание
вдо-о-о-о-о-ох-ох
вы-ы-ы-ы-ы-ох
вы – ах
вы – ух
вы – их-х-х-х-х-х

а потом только
x-x-x-x-x-x-x-x-x
x x x x x x x x x
x x x x x x x x x
x x x x x x x x x

XXXXXX
XXXXXX
XXXXXX
XXXXXX

XXXXXX
XXXXXX
XXXXXX
XXXXXX

XXXXXXXXXX
XXXXXXXXXX

Да это же абсолютно правильная сонетная форма!
Мог ведь когда хотел...

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКИЙ

Я открыл Черный квадрат
 Квадрат сейфа чернеет на стене
 Я назвал код
 Квадрат открылся
 Я спустился в чертов квадрат все осталось снаружи,
 держа веревку,
 чтобы страховать меня
 Что за?
 Что за шторкой фотоаппарата?
 Кто снимает наш компромат через зеркало?
 Что за?
 Что за плитой постамента?
 Памятник Че?
 Памятник Чехову?
 Чаровница квадроченто?
 Что за?
 Запонки из агата
 Кровать черного дерева для членов политбюро?
 Держи, милый, не отпускай!
 Что стоит за понятием «К.Малевич»?
 ЧК?
 ЧеК?
 ЧеКрыгин?
 ЧтоКгаузен?
 Чьи руки сложили четвертушку в бумажный кораблик «Авроры»?

Открытие
 Черного
 квадрата

Два тысячелетия имели двухмерное сознание,
 третье тысячелетие имеет трехмерное.
 Что за?
 «Держись, милая, за веревку,
 только не отпускай».
 Что за?

Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за
 Что за что за что за что за

Крышка захлопнулась

За что?

Веревка защемила
 Меня затягивает черная бесформенная масса
 Батареек моего телефона хватит на четверть часа
 Я барабаню изнутри в крышку
 - Как ты там?
 - Забудь код
 - **Что за?**

День-Рафаэль

Пришелец День, не стой на розовом холме!
Не дай, чтобы заря твоим чертам грубила.
Зачем ты снизошел к оврагам и ко мне?
Я узнаю тебя. Ты родом из Урбино.

День – Божество, ступай в Италию свою.
У нас еще зима. У нас народ балует.
Завистник и горбун, я на тебя смотрю,
и край твоих одежд мой тайный гнев целует.

Ах, мало оспы щек и гнилости в груди,
еще и кисть глупа и краски непослушны.
День – Совершенство, сгни! Прочь от греха уйди!
Здесь за корсаж ножи всегда кладжут пастушки.

Но ласково глядел Богоподобный День.
И брату брат сказал: «Брат досточтимый,
здравствуй!»
Престольный праздник трех окрестных деревень
впервые за века не завершился дракой.

Неузнанным ушел День – Свет, День – Рафаэль.
Но мертвый дуб расцвел средь ровных долины.
И благостный закат над нами розовел,
и странники всю ночь крестились на руины.

Памяти О.Мандельштама

В том времени, где и злодей -
лишь заурядный житель улиц,
еак грозно хрупок иудей,
в ком Русь и музыка очнулись.

Вступление: ломкий силуэт,
повинный в грациозном форсе.
Начало века. Младость лет.
Сырое лето в Гельсингфорсе.

Та – Бог иль барышня? Мольба -
чрез сотни верст любви нечеткой.
любуется! И гений лба
застенчиво завешен челкой.

Но век желает пировать!
Измученный, он ждет предлога -
и Петербургу Петроград
оставит лишь бессмертье Блока.

Знал и сказал, что бует знак
и век падет ему на плечи.
Что может он? Он нищ и наг
пред чудом им свершенной речи.

Гортань, затеявшая речь
неслыханную, - так открыто.
довольно, чтоб ее пресечь,
и меньшего усердия быта.

Ему – особенный почет,
двойное злорадство неба:
певец, снабженный кляпом в рот,
и лакомка, лишенный хлеба.

Из мемуаров: «Мандельштам
любил пирожные». Я рада
узнать об этом. Но дышать -
не хочется да и не надо.

Так значит, пребывать творцом,
за спину заломившим руки,
и безымянным мертвецом
все ж не достаточно для муки?

И в смерти надо знать беду
той, неutihшей ни однажды,
беспечной, выжившей в аду,
неутолимой детской жажды?

В моем кошмаре, в том раю,
где жив он, где его я прячу,
он сыт! А я его кормлю
огромной сладостью. И плачу!

Лауреат
Нобелевской премии
1999 года

Гюнтер Грасс

Германия

Аннабель Ли

Я подбираю спелую вишню,
падшую Аннабель Ли.
Как ты лежала в листьях прогнивших,
в мухах-синюхах,
скотиной занюхана,
лишняя Аннабель Ли!
Лирика сдохла в пыли.
Не понимаю, как мы могли
пять поколений искать на коленях,
не понимая, что околели
вишни и Аннабель Ли?!
Утром найду, вскрыв петуший желудок,
личико Аннабель Ли.

Как ты лежала чутко и жутко
вместе с личинками, насекомыми,
с просом заглотанным медальоном,
непереваренная мадонна,
падшая Аннабель Ли!
Шутка ли это? В глазах моих жухлых
от анальгина нули.
Мне надоело круглые сутки –
страшен трамплин! –
в книгах искать,
в каннибальских желудках
личико Аннабель,
блин...

Перевод
Андрея Вознесенского.

Нгуен Хоанг Бао Вьет

Вьетнам

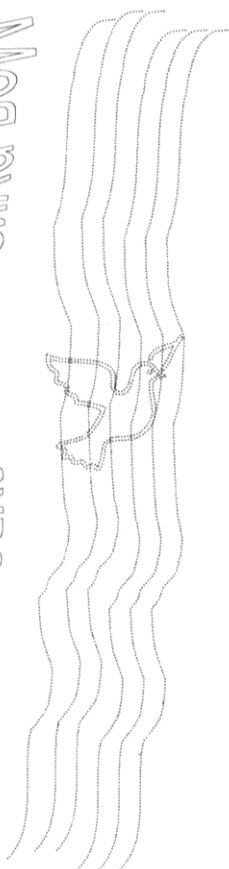
УВЕРЕННОСТЬ

Когда бегущая река обрушивается мощным потоком
не думая о возвращении
я доверяю тебе источник моей надежды
не храня самой малости для своей жизни
как близки, с моей стороны, глаза
этого брошенного труп
с наивной верой
если огонь печали не перестанет пожирать
сердце совести

Мое лицо, правдивое и искреннее
замкнуто для голубя которого я обожаю
моя блуждающая душа
исчезнет прямо в гроздьях звезд
Моя сильная рука
служит опорой и защитой на крыльце Любви
чтобы эта тьма не посмела придти
возле ребенка, нарождающегося солнца, молодых побегов
Моя живая кровь
оживляет жилы земли
чтобы рис дал всходы массой колосьев
древо жизни согнется под тяжестью плодов терпимости

Моя муза смешается с ростками травы
когда Свобода расцветет ярким цветом.

Моя рука готова схватить огонь

Перевод Екатерины Турчиновой

Мучительный церемония

Когда настает пьянящая ночь и насекомые самодовольно
и важно совокупляются, твоя кожа обретает текучесть.
(2-е сентября)

Обретенное сейчас возвращается,
чтобы быть истребленным.
(29 сентября)

Я есмь в длину и по периметру
Я есмь откуда ушел и куда прибуду
Я есмь где секунды рушат
туманные и бесчисленные изваяния
Я есмь где птицы сгорают и возрождаются вновь
Я есмь окутанная мраком вечность
угроза времени человека

Я есмь где ночь дает отдохнуть своей невидимой фауне
и изгнанник сжимает в руках обломки
своей памяти о недожитых местах

Я есмь где истребленные царства возрождаются в мгновение ока
и где прекращается нескончаемая охота

Я есмь где совокупление откладывается и возобновляется
где Ева еженощно отказывает в любом из бесконечных альковов
и где Ева же внезапно уступает мир символы возобновления

Я есмь где города удлинняют праздничное торжество
мучительным церемониалом
и где соприкосновение без любви сокращает возраст
праха без сотворения

Я есмь где я окончательно и навеки
окаменел в твоей плоти
укоренился всеми корнями и запечатлелся всеми ликами

Я есмь тот кто утратил остаток
в твоей итоговой сумме
Я есмь где зеркала повторяют твой образ
эхоподобно

Я есть потомство твое
твой демон покровитель ворот и зеркал
сборщик налогов с твоего ускользающего присутствия
поджигатель антагонист того кто жаждет твоей гибели
ангел чье наслаждение лишь в том
чтобы заставить тебя умирать бесконечно

Волна

Море снимается с якорей
и как стадо верблюдов становится многогорбым
вставая с коленей на волнах вздымает танкеры и сухогрузы
теплоходы и катамараны и уносит все это к берегам
своей первобытности как выкуп за долгое отсутствие
у мраморных ступеней – возьмите нефть и оружие лес и наркотики
рыбу в консервах в плавках мужчин и женщин в купальниках
возьмите телевизоры и «Харлеи» пластинки и шмотки и золото
и сигареты с фильтром
только пустите пустите домой –
незаметным заливом стану буду катать на спине
деток ваших черносливовых и оливковых юношей
я – море а хочу быть хоть каплей на своей родине
хоть одну рыбешку носить в воде без отходов
и чтобы хотя бы один горожанин
бросил хотя бы один цветок мне
за это...

Иногда по утрам на причалах Гамбурга
меж контейнеров словно цветы
в страницах толстых книг
находят расплюснутые тела
Иногда они оказываются живыми –
синие цветы подавленного разума
вырванные с корнями из африканских
и азиатских родин
Их выстраивают на палубах
и расстреливают взглядами
«Зачем вы здесь?»
Паромы уходят назад. Бросают в воду цветы
Плывут и плывут они вспять
Их снова берут подмышки
и сушат на берегу
спрашивают имена – на, чужую родину
Ты пережил свою, попробуй теперь другую
живи меж контейнеров-небоскребов
тюрьма размером с тюрьму
свобода размером с тюрьму...
Кончается тысячелетие
как тысячу лет назад
мы беженцы друг от друга
а думаем что меж нами и облачко не
пролетит
Плывут и плывут назад
цветы за паромками вслед
и тонут и тонут и тонут и тонут и тонут
Паромы назад возвращаются
Цветы не умеют назад

Море
снимается
с якорей

Твоя генетика

Имеется в виду, что ты подлец,
что ты рожден
с виною генетической,
как будто дел наделал
в прошлом позарез
с прицельностью оптической,
хотя не ты стрелял,
не чистил ты винчестеры,
не ты водил мальчишек на Чечню,
но чувствуешь такую стычку
с честью,
что каждую вину
воспринимаешь как свою.

И потому ты на крючке, хотя ты чист
и отвечаешь за отца
не своего порой –
имеется в виду, что ты продал лучи
восточные на запад. И съел пароль.

Хотя стоишь меж сталиным
и ельциным,
рождения шестидесятого,
ни в чем не виноват,
но власть тебе грозит
и ярлычок цены
одной рукой цепляет, другой пытается
сорвать...

Любое слово - как благая весть...

НА КЛОЧКЕ СЛОВА

Самоуничтожение

Я не могу помешать суткам длиться
 двадцать четыре часа,
 могу только сказать:
 прости мне, что сутки так долги.
 Я не могу помешать бабочке рваться
 из кокона,
 могу только просить у тебя прощения
 за кокон, за бабочку;
 прости, что так получается:
 из цветка – плод,
 из плода – семечко,
 из семечка – дерево;
 прости, что родники сливаются в речку,
 а речки – в море, а моря – в океаны;
 прости. Что по кругу идет: от любви
 до детеныша,
 от детеныша до одиночества, из одиночества
 – снова в любовь.
 Ничему, ничему не могу помешать,
 Все следует своей судьбе, меня не спросясь,
 все до последней песчинки,
 до крови, текущей во мне.
 В моей власти одно только слово:
 прости.

Я устала

Я устала рождаться из Мысли,
 я устала не умирать.
 Выберу что попроще –
 лист на ветке. Рожусь из него.
 Лист мне будет отец и мать.
 Соки хлынут в мое существо
 и прожилки пронизуют мощи.
 У листа научусь трепетать и расти,
 и в блистание боль претворять.
 После, как слово от губ,
 от ветки своей отделиться,
 бесхитростно,
 так, как принято
 умирать
 у листьев.

Иногда во мне поднимается чувство протеста против литературы. И особенно против великих писателей. Чувство протеста против всех этих великомучеников, которые отреклись от своей жизни ради вымышленной, которые раскромсали свою долю существования, чтобы из полученных обрывков, из клочков интуиции и лоскутов откровений сметать иной, чем он был на самом деле, мир, новый, нехоженный, принадлежащий им безраздельно – во всяком случае, в большей степени, чем когда-то принадлежала им их собственная бедная жизнь. Сочувствие их к самораздиранию, такому вызывающе творческому, восхищение им не удерживают меня порой от неприязни. Ибо это муки тщеславия, которое, выжав реальность, хочет подменить ее и, более того, осмеливается противопоставить ей модель, способную к самостоятельному воспроизводству, завоевывающую себе адептов, готовых сделать выбор между *жить* и *писать* в пользу второго...

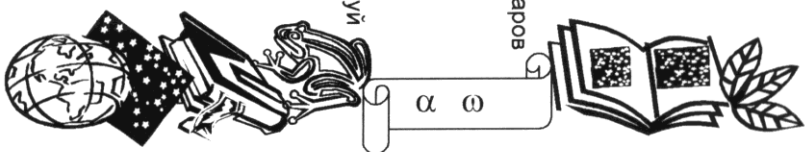
Протест. Но, может быть, и дерево протестует иной раз против прививки, озабоченной перелом, властный и крутой, в течении его жизни. Однако это не мешает ему благословлять боль минуты, которая ввела в его соки неумолимый приказ родить, и гордиться благородными плодами почти чудесного зачатия.

Протест против великой литературы, перед которой я считаю за честь низко склониться, – это не что иное, как проявление временами оживающего во мне страха перед ее безграничной силой, способной и сейчас в любую секунду круто развернуть мою судьбу. Я выросла в зачарованном краю, где имена вещей были ярче и истиннее, чем сами вещи, где моя собственная жизнь была всего лишь платьем, брошенным на берегу книжной реки, а жизнь других, жизнь вокруг, просто жизнь – лишь материалом для сравнения, которое всегда было в пользу литературы. Я знала, я чувствовала, я верила, что великая литература выше жизни, что Достоевский – плотнее ее, Шекспир – глубже, Караджале – многозначнее, что великие писатели вовсе не создают другую жизнь вместо или даже в противовес настоящей, а помогают этой жизни возрождаться на новых, всякий раз иных витках самосознания, что на их плечах лежит ответственность мирового духа. Что же касается меня, то в протесте или в счастье я всегда была и буду только и только – в силках травы, тяготея к звездам – крепостная на клочке слова.

"Tant ai parle, que suis au lit,
u on doit faire le delit"
Jacques d'Amiens

Жак Амьенский

шорох книжного шкафа
от шороха книг по страницам мурашки
некоторые книги открываются
словари раскрываются глаголом «открыть»
в возвратной форме
в форме возврата к себе
скрип книжной дверцы
впускает девушек
женщин
детей возвещающих о себе криком
стоит появиться ребенку
строй книг рушится
книги берут все слова назад
замолкают от огорчения руны страдают от варваров
книги вызывают к истине
вопиющая истина могла бы распахнуть
книжное собрание
дети тогда на пороге позатыкали бы уши
дети заткнувшись бы проглотив торжкую правду
становясь членом собрания книг ребенок пожалуй
разинул бы рот
тишина продается по карточкам
голос придется оставить при входе
если вам его больше пристроить некуда
торло пусть не сжимается
нужно учиться молчать
я молчать научился
ты молчать научился
а она не научилась молчанию
а просто пилилась слов
она поерывает на месте
она не продвигается в чтении
ее плоть сковывает движение глаз
плоть забегает вперед
для нее незаметно выходит на первый план
она видит только его

мужчину напротив
мужчину напротив нее с ее телом
она оказывается книгой
животрепещущей книгой
у меня есть листочки
я делаю шаг
шаги прорастают корнями деревьев
я храню вскрики
в моих листьях скрыта вселенная
открывалось
открывалось
непереходным глаголом
жду первооткрывателя
mets tes mains
Жак Амьенский
trestout rapout
u il te siet
книжный шкаф уступает
земля уже на седьмом небе
она не верится
она не завертится
еретик Жак Амьенский
Жак утверждает, что и не думала вертеться земля
но женщина
только женское тело хранит письма
только письмам любви отдается
женское тело
t'aple aussi a son talent,
accordes vous au finement
Жак Амьенский расстается с библиотекой
в ушах шум городских районов
женщины ходят по краю
женщины преодолывают улицу как закладку
умолкают дети
Жаку открывается скажина жизни

ТОЛЬКО ЖЕНСКОЕ ТЕЛО ХРАНИТ ПИСЬМЕНА..

НА МОЙ 33-Й ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сижу и думаю
как укорачиваются дни
а ночи грызутся во тьме
отчего мои мысли обретают орлиные крылья
и кружат над головой как над трупом

Сижу и читаю
как люди распяли Христа
как Сын Божий умер за их грехи
переверну страницу – продолжается та же история
тем же ужасом наполнен и этот век

Сижу и пишу
о Воскресении питающем надеждой века
и освящающем глубокую тысячелетнюю ночь
пока грех распятия довлеет над всеми грехами
заговору Иуды никогда не будет конца

Сижу и изрекаю
это предостережение – что-то вроде моей Нагорной проповеди
что солнце померкнет навсегда
что земля вспыхнет и сгорит
а пепел мира развеется по вселенной

Сижу и молчу
а кровь в моих жилах густеет и обращается в лед
мир бесцельно вращается вокруг меня
а пока мои мысли роились мой рой улетел за медом
в тот далекий лес где цветет печали цветок

ДОМ

Если ты войдешь в эту дверь
она навсегда останется раскрытой
ожидаая тебя с неизбывной надеждой

Если ты никогда не засмотришься через это окно на далекий горизонт
он раскроется как мои глаза
которыми я смотрю только на тебя

Если ты не украсишь себя белым цветком
этот сад не расцветет никогда
сад который всегда цвел только для груди твоей

Если ты не укроешься под этим кровом
тебе никогда не узнать что есть опора моей любви
на которой зиждется все что я до сих пор возводил

Если ты на этом пороге не обвенчаешься
наступит череда неурожайных лет
когда ни один посев не пробьется ростком

Если не разродишься ты на этой постели
дом останется пуст
будет пустее моих никчемных дней проведенных в его пустых комнатах

Перевод Александра Ткаченко

Глядя в лицо

Беседа так сближает нас! Раскрывая
поверхности тела
поднимая рыбу ближе к солнцу,
закрепляя спинной хребет моря!

Мой взгляд блуждал по лицу, часами,
проходя через темные огни,
я вознесся к плоти,
еще не рожденной,
существуя подобно свету вокруг нее,
через который она движется подобно
скользящей луне.

Отшельник

Тьма падает сквозь тьму,
падает с уступа
на уступ.
Есть человек,
чей тело совершенно целостно.
Он стоит, шторм позади него.
Тьма собирается в складки
у его ног,
он никто. Когда мы видим
его, мы становимся спокойными
и отплываем
в туннели радостной смерти

Посещение могилы Эмили Дикинсон вместе с Робертом Фрэнсисом

Черная железная ограда окружает могилу, ее овалы изящны, как виноградные лозы. Они напоминают те самые окна часовни на главном острове Аран, сделанные в четвертом веке такими узкими, чтобы лишь немного дождя проникало внутрь... Сейчас апрель, ясно и сухо. Завитки травы прорастают вокруг соседних могильных камней.

Дом Дикинсонов недалеко. Однажды она прибыла сюда, в пятьдесят шесть, как говорит Роберт, ее несли напрямик через участки шесть крепких ирландцев, когда ее брат отказался доверить ее тело повозке. Гроб был затемнен фиалками и сосновыми сучьями, пока она покрывала неизмеримое расстояние между массивным домом Дикинсонов и этим участком...

Это расстояние безмерно, расстояние, на котором Сатана и его помощники поднимались и падали, в безбрежные области, расстояние между звездами, между первым разом ощущения любви в рукаве платья и смертью человека бывшего в этой комнате... расстояние между ступнями и головой, когда вы ложитесь, расстояние между отцом и матерью, которое мы проходим неохотно.

Моя семья обращается каждое утро к Эклипсу, который они называют «Отцом». Каждый из нас покрывает это расстояние ночью, прибывая из сна на руках и коленях, изумленные, мы видим бугор на земле, где, мы думали. Должна быть часовня... это травяной холмик. И, держась за него руками, мы карабкаемся из сна.

Моему десятилетнему сыну Ноа

Ночь и день приходят, день за днем проходит,
И старое остается молодым, и молодое остается молодым и
стареет.

Куча хлама не молодеет, да и дважды два четыре не утрачивает свою
темноту,

но старое дерево продолжается, конюшня пустует так много лет
помощник темноты и ночи утерян.

Лошадь подходит, качается на одной ноге, поворачивает свое тело,
цыпленок стучит когтями по насесту, его крылья машут и
раскрываются,

но первобытное не должно улетучиться в ночь и тьму.

И медленно добрый человек приближается, утрачивает свой гнев, садится за стол.

Итак, я горжусь только теми днями, что проходят в непрерывной нежности,
Когда ты сидишь, рисуя или делая книжки, скрепляя страницы, с посланиями
миру,

или раскрашиваешь человека с огнем, выходящим из его волос.

Или мы сидим за столом, за тщательно разлитым по чашкам чаем.

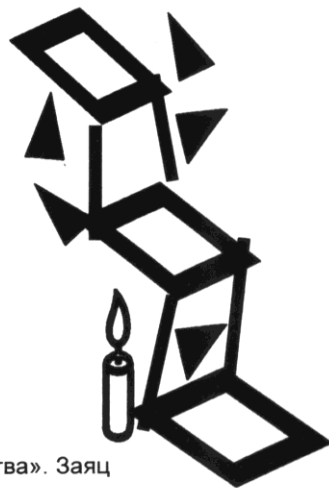
Так мы проводим наше время вместе, спокойные и с удовольствием.

У
папоротника
нет
другого
выбора.
Кроме
жизни...

Перевод
Александра
Ткаченко

Разговоры с Андреем

Во внутреннем дворе над розами кружится снег
Я не взяла с собою шарф и теплые ботинки, я перелистываю
книги и не знаю, что мне делать с этим светом!
Вам бы такие краски не пришлось по вкусу,
Андрей Арсеньевич, уж очень ярко и не в меру,
не в меру много всего!
Вы обменяли свои крылья на воздушный шар, убогое
сооружение из тряпок и канатов, я отчетливо его помню.
Раньше в моей жизни тоже было много всего,
Но как-то не запоминалось. Трудно
сосредоточиться. Трудно сосредоточиться.
И кажется, еще вернешься
к крыльям. Реальность такова: вчерашней ночью холод
сковал розы во дворе «Зона есть зона. Зона есть жизнь.
Человек может погибнуть и может выжить, когда они
прокладывает свой путь через его жизнь. Как
она поведет себя, зависит от чувства собственного достоинства». Заяц
едва не заскочил к нам в вестибюль,
цветное пятнышко, заметное на фоне снега; неудивительно, ведь
в заячем календаре еще октябрь.
Похоже, Вы в дурном расположении духа,
и вероятно, все это Вам не интересно.
С другой стороны, Вы сами частенько жалуетесь.
Я пишу Вам, потому что вы умерли, а я прошлой весной
внезапно проснулась в гостиничном номере и услышала дивное
щебетание в вышине. Не надо постоянно извиняться, не надо
постоянно благодарить, но однажды необходимо сказать спасибо. Внизу
озеро свинцового цвета. Все остальное окрашено в белый и красный.

Перевод Н. Зоринной

Александр Кушнер

Россия

В кафе

И.Бродскому

В переполненном, глухо гудящем кафе
Я затерян, как цифра в четвертой графе,
Я обманут вином тепловатым
И сосед мой безглаголит и вином утомлен.
Мельхиоровым перстнем любитесь он
На мизинце своем волосатом.

Предзакатное небо висит за окном,
Пропускающим воду сырым полотном,
Луч, прорвавшись, крадется к соседу.
Его перстень горит самоварным огнем.
«Может, девочек, - он говорит, - позовем?»
И скушает: «Хорошеньких нету».

Через миг погружается вновь в полутьму.
Он молчит, так как я не ответил ему.
Он сердит: рассчитаться бы что ли?
Не торопится к столику официант,
Поправляет у зеркала узенький бант.
Я на перстень гляжу поневоле.

Он волшебный! Хозяин не знает о том.
Повернуть бы на пальце его под столом –
И, пожалуйста, синее море!
И коралловый риф, что вскипал у Моне
На приехавшем к нам погостить полотне
В фиолетово-белом уборе.

Повернуть бы еще раз – и в Ялте зимой
Оказаться, чтоб угольщик с черной каймой
Шел к причалу, как в траурном крепе.
Снова луч родничком замерцал и забил,
Этот перстень... На рынке его он купил
Иль работает сам в ширпотребе?

А как в третий бы раз, не дыша, повернуть
Этот перстень – но страшно сказать что-нибудь:
Все не то или кажется – мало!
То ли рыжего друга в дверях увидеть?
То ли этого типа отсюда убрать?
То ли юность вернуть для начала?

Стихи одноразового употребления

<p><u>Логика</u></p> <p>Мы прибегаем к насилию потому что вы бунтуете Если бы вы не бунтовали мы не прибегали бы к насилию Когда вы прекратите бунтовать мы не станем прибегать к насилию</p> <p>И скажем тогда Вам вовсе незачем бунтовать Ведь мы не прибегаем к насилию</p>	<p><u>Претензия</u></p> <p>Ты плохой христианин не подставил другую щеку А я обожаю бить по лицу</p>	
<p><u>Объективный взгляд</u></p> <p>Говоря по совести эсэсовцам тоже было положенно являться на поверку в шесть утра а ведь бывало и холодно</p>	<p><u>Ответ</u></p> <p>Вы говорите больше воздуха</p> <p>А мы вам ответим кислород – да Азот – нет</p>	<p></p> <p><u>Изумление</u></p> <p>Почему вы все удираете Ведь только я кричал Долой</p>
<p><u>Филологам</u></p> <p>Фило-логи Они Филят логос Они любят слово Любят Но безответственно</p>	<p><u>Разница</u></p> <p>Ян не верит в бога Иван тоже не верит в бога Ян не ходит в костел Иван же не ходит в церковь Поэтому Ян католик А Иван православный</p>	<p><u>Грамматика</u></p> <p>Я печатаю газетки Ты их разносишь Он Опасается их читать</p>
<p><u>Поощрение</u></p> <p>Признавайтесь смело чего вам не хватает и что вам надо</p> <p>Если чегой-то забудете пожалста вам здесь все написано</p>	<p><u>Свобода</u></p> <p>Вам всего лишь надо согласиться что земля плоская а потом – полная свобода научных исследований</p> <p></p>	<p><u>Из Андерсена</u></p> <p>А ты мальчик чего горячишься Мы и сами знаем Что король голый</p> <p></p>
<p></p>	<p><u>Хокку</u></p> <p>Мужчина Где вы умираете? Здесь – нельзя!</p>	<p>Перевод с польского</p>

Матия Бечкович

Югославия

Отцовство

Отец мой теперь бы мог быть уже моим сыном,
а я сиротою живу до нашего дня.
Ты был моложе, чем я, отче единый,
во власти убийцы оставив меня.

Убийца считать отца отцом запрещает,
без капли отцовства он держит мое бытие,
свои злодеяния сирому мне не прощает,
ревнительно взводит око свое.

Но я в праотцовство до самых глубин проникаю,
ища того, кто вынес из тюрьмы мое «я»,
свое существо у его очага согреваю –
позор за чужое бесчинство терпя.

Коль дух не имеет ни праха, ни дня гробового,
верни мне меня, создатель и наш праотец.
Ведь каждый вызывает с распытья, как встарь, так и снова:
зачем ты покинул меня, мой отец?

И в пытке терзаемый страшной карательной волей,
хуля для того, чтоб палач потрудился добить,
он, как валах, о смерти мучителя молит,
слова же вещают одно только: быть.

Встреча с русским юношей в Оптиной пустыни

Смотрит на меня словно удивлен
Чего это я приглядываюсь к нему

Хотел бы мне уточнить
Что он не такой
Каким предстает в глазах моих

Что это большое недоразумение
Ему невдомек
Что отражение
Лучше его помнит
Каков он

Вот если бы мог он по лицу моему прочитать
И в глазах прослезившихся заметить
То что сам я с трудом постигаю

Если не сможет
Никогда больше пожалуй
Не вернемся к себе
И в обители свои
Ни он
Ни я

1994

Перевод с сербского.

Алина Витухновская

Россия

Беженцы

Осень настала скелетами сосен.
Ножницы режут бумажную куклу.
Рыжие крабы карябают солнце,
лакая ржавую склизлую скуку.

Беженцы едут в приятные земли,
роются в коже ногами, зубами.
Кушают, хищные, влажную зелен?
Топчут дурные поля сапогами.

Бабушка! Где же дурацкое счастье?
Где же ведерко, коньки с самокатом?
Нет у них, внучек. Есть кости и части,
ветер холодный и хаос косматый.

Григорий Пасько

Россия

Из тюремной тетради

Опали листья без меня
В саду осеннем
И в небе на исходе дня
Снега висели...

Шумел ручьями юный март,
Во всю старался,
А все равно в мой каземат
Не пробирался...

И в мае тоже не ко мне
Вошла Победа
А полночью в моей тюрьме
Встал призрак деда.

За что в далекие года
Был дед расстрелян?..
И я сидел и ждал суда,
И был растерян.

И все ж не думал опускать
В унылые руки,
Хотя столетие опять
Пошло на круги...

1998

Владивостокская
следственная
тюрьма

ГРОЗА

Бабочка ТУЧА
на длинной булавке ЛУЧА
среди ЛУГА
а над – радУГА –
ДУША бури

МЯЧ

Руки вибрируют
образуя арку и свод
Первая Мария видит вторую
в зеркале рук
рот и брови в раме –
кармин и мрак
Мария три и четыре –
прозрачные створки ворот
пятая Мария – купол и крест
шестая смеясь
роняет с небес
МЯЧ

Мяч скачет назад – вперед
ванна Марата «Авророй» прошла Неву
первый красный Корде-балет
ада-да-адажио черных дул
па-де-труа рикошет от стен –
Токарев – Макаров – Кармен
Мяч скачет вперед – назад
па-де-де Калашников и Арманд
синие мигалки кромсают мрак
то уа-уа-у-акушерки Перовской
опять теракт
Мяч скачет
теряя вес
Мария седьмая
его поймает
склоняет с небес
рукавом оботрет грязь – кровь - крик
и вернется

внутри рая
двери прикрыв

ДАВНЕЕ

И в поле
плакали снопы – со влажными
золотыми спинами –
об стены опираясь
несжатой части ржи... -

светало
без перемены плача этого... -
был ровен – Мир.

1998

Журнал ПОэтов

№ 1 (13) 2000

Главный редактор К.Кедров.

Учредитель группа ДООС
при участии русского ПЕН-клуба
(президент А.Битов, генеральный директор
А.Ткаченко)

ДООС

(Добровольное Общество Охраны Стрекоз):
академик А.Вознесенский (стрекозавр),
доктор К. Кедров (стихозавр),
профессор В.Рабинович (доосозавр),
Елена Кацюба.

Зарубежный отдел редколлегии:

доктор С.Бирюков (Германия),
профессор В.Вестстейн (Нидерланды),
профессор Т.Латауэрс (Нидерланды),
Б.Лежен (Франция),

Макет и компьютерная графика:

Е.Кацюба

Логотип:

М.Герцовская, М.Молочников (ДООС).

Издатель Е.Соловьева.

Тираж 400 экз.

107078 Москва, Б-78, а/я 250.

Русский ПЕН-центр. Россия 103031, Москва.

ул. Неглинная, д.18/1, стр.2.

Тел. 209-45-89, 209-31-71 Факс: 200-02-93